

Л. МИХАЙЛОВ

О СЕВЕРЕ МИЛОМ...

Я всегда испытываю особую радость, когда вижу перед собой новые книги моих земляков, писателей-северян, книги о родном севере, крае мужественных, немножко замкнутых и суровых, но необычайно добрых и сердечных людей. Первая книжка стихов молодой поэтессы Ольги Фокиной «Сыр-бор» порадовала еще и потому, что в ней пробилось свежее и самобытное дарование, немало обещающее в будущем.

Помнится, лет семь-восемь назад в архангельском альманахе «Север» было напечатано первое стихотворение Ольги Фокиной, тогда еще учившейся в медицинском училище. Стихотворение (оно вошло в сборник) было полужутливое, как мне казалось, наивное, ученическое, меня даже рассердило, что его напечатали.

Ольга Фокина, Сыр-бор.
М. «Молодая гвардия», 1963.

Поэты со мной не соглашались, их подкупала трогательная непосредственность автора и детски восторженное, словно от сказок идущее восприятие мира очень сложных вещей. Теперь я думаю, что они были правы, они сумели в этом далеко не совершенном стихотворении заметить то зернышко таланта, которое уже начало давать и — ныне я уверен в этом — даст хорошие всходы.

Ольга Фокина закончила Литературный институт имени А. М. Горького и снова уехала к родным берегам, к голубым просторам любимой Северной Двины. Там прошло ее детство и юность, там она впервые ощутила красоту и величие окружающего ее мира, там проснулось в ней неодолимое желание поэтически выразить свои заветные чувства, возникшие от знакомства с жизнью северной природы, с жизнью окружающих ее людей. Не естественно ли, что ее как магнитом снова потянуло в родные края?

Я завтра в эти края
сорвусь,
Сорвусь, как звезда
падучая,
Я в сладкий березовый
сок окунусь,

Как в средство самое
лучшее

От всех пороков,
От всех уроков.

Я к милым березам щекой
прижмусь,
Туесовый целую краешек,
Я буду пить еще и еще,
И будет очень все хорошо,
Так хорошо, как раньше...

Не всегда так бывает, что в книгах, скажем, архангельских, ярославских или костромских поэтов и писателей запечатлеется колорит родного края. Особенно-стью стихов Ольги Фокиной, безусловно, можно считать их на редкость естественную связь с милым севером, могучей Северной Двиной, образным поморским краснословьем, со всем тем, чем жив северный крестьянин. Недаром же напутствовал Ольгу Фокину с ее книжкой глубокий знаток севера и чародей русской северной речи Борис Шергин.

Не хочу этим сказать, что в небольшом сборнике стихов автор сумел широко и полно запечатлеть жизнь своего края, нет, дело в том, что северный колорит входит в образную плоть, простите за столь грубый прозаизм, в фактуру стиха. Читаю строки о Северной Двине, о речке Содонге и вижу этот завораживающий эпическим постоянством пейзаж, ощущаю родственность образных сближений с поэтикой северных сказок и песен, с особенностями быта северян.

На европейском севере как нигде, пожалуй, еще сохранились особенности речи, которые идут от старорусского новгородского корня. Это потому, что с древних времен здесь бережно хранят старинные песни, сказки, былины. И вот смотрите, пишет Ольга Фокина о лесной речке Содонге, над которой «дрожат осоки-резуньи — обнаженные сабли». И дальше такое русское, с лукавинкой, где-то в самом народном корне языка почерпнутое:

А и беречь-то что?
Велика ли царица —
Перекинешь рукáвницей!

У Фокиной почти не заметишь следов стилизации. Песенное, разговорное, от корня русское входит в ее поэтическую речь органично, оно впитано с детства, вошло в плоть. Кое-где в стихах заметны следы ученичества, особенно в стихах о матери, там слышится Есенин, но корень ли за это молодую поэтессу! Ведь сделан первый самостоятельный шаг к разгадкам сложных створен бытия, и если перед необъятностью мира человеческих страстей и дерзаний поэтическое воображение опирается на чей-то большой опыт, греха от этого не будет. Да и не вязнет Фокина в этом опыте, а свой с уверенностью накапливает. Пробует силы в разных жанрах, ищет, находит, углубляется в раздумья о жизни, небезуспешно пытается в одном стихотворении поведать о многом и значительном, осмыслить то, что накоплено ее недолгим еще, но уже трудным и солоновато приправленным опытом.

Тут я веду речь о стихотворении «Черемуха», где смешались горечь и любовь, страдание и торжество жизни. В нем детски восторженное светлое воспоминание об отце, и горькое детство военных лет, и боль утраты, и никем не измеренное, неиссякаемое мужество женщины-крестьянки, солдатской вдовы, неведомо как переживавшей в дни войны с выводком ребятишек на нее, и этот образ черемухи, выхоженной осиротевшим ребенком из маленького, посаженного отцом кустика. Сила и неодолимость жизни — выстраданной, оплаченной великими жертвами — сказанная в нем.

...Спи, мой отец!
Цвести по всей России
Раскидистой черемухе

твоей.

Память об отце-солдате, павшем на поле брани, живет в стихах Ольги Фокиной и как напоминание живым о их долге перед будущим, она думает о нем, когда слышит, как «пахнуло новым порохом новых битв». Образ отца всплывает в удивительно трогательном воспоминании о детстве, о куске розового мыла. О том, как где-то на исходе войны в сельсовет пришел подарок и мать ее одарили куском мыла, доставившего несказанную радость, словно «самородок золота с кулак».

...Намытое, давно скрипело
 тело,
 Уж мать в предбанник
 выносила таз,
 Но открывать я долго
 не хотела
 Зажмуренных от мыльной
 пены глаз.

Тогда впервые за четыре
 года
 Для нас опять запахло
 молоком,
 И белым хлебом, и тягучим
 медом,
 И васильками, и живым
 отцом.

Это лирика, пропикновенная, емкая, лирика эпического размаха, она конденсирует не только личный опыт. За этим лирическим воспоминанием встают картины трудных дней минувшей войны, картины жизни в глубоком деревенском тылу, трудный опыт многих людей, испытавших на себе все невзгоды этого лихолетья.

К некоторым проблемам сегодняшнего дня Ольга Фокина подходит, как бы минуя личный опыт, не отваживаясь в лирическом высказывании определить свое отношение к ним. Может быть, это скромность? Как бы то ни было, однако и в эпических формах, в сюжетных стихотворениях авторская позиция вполне ясна.

Поэтесса с гордостью рассказывает о деревенском паренке, лучшем ученике школы, который, несмотря на уговоры учителей, наотрез отказался уехать из деревни, из «захолустья», чтобы продолжать учебу. Он остался потому, что любит крестьянский труд, сельскую природу, потому что привязан к ним сердцем и долгом.

Фокина любит скромных и славных людей, для которых работа стала внутренней потребностью и уже не ощущается ими как долг, обязанность. Когда молоденькая девушка-фельдшер, «вчерашняя ученица» («Голуби...»), мчится в ночь на лыжах, чтобы спасти тяжело больного ребенка, она делает это не по обязанности, ее влечет к нему сердце, тревога за жизнь, желание делать людям добро.

Остроглазый деревенский плотник Ваня помахивает топором, работа у него спорится, «и, как речка, чуть струится, не щедра и не скупа»:

— Чтобы ствол, какой
 потолок,
 Не ложился, как не должен,
 Чтобы тонкие стволы
 Не казались бы малы,
 Чтобы баня не косилась,
 Не садилась, не валилась,
 Чтобы весело топилась,
 Грела-мыла сто годов,
 Чтоб хозяйка не бранилась,
 Делай так, чтоб приходилось
 Сердце в сердце у стволов.
 Будешь после строить жизнь—
 Той же истины держись.

Эта, казалось бы, нехитрая житейская мораль постигается мастеровитым человеком в опыте, в труде, и оттого она прочна, устойчива, принимается с доверием.

В лирических стихах Ольга Фокина углубляется в раздумья о человеке, о любви и верности, о чистоте душевной, такой, которая сравнима лишь с малень-

кой речкой Содонгой, где вода «хоть пей, хоть лей, хоть ноги мой — не замутится, не убудет...» С юношеской доверчивостью и открытостью пишет она о любви, поверяет читателю самые интимные чувства. Оттого, наверное, что помыслы ее лирической героини чисты, любовь ее светла и празднична. Набежит иногда легкое облачко грусти, но сила беззаветной девической любви, вера в любимого непременно возобладают, и вновь зазвонит голосок от счастья: «Пой, вселенная! Я воскресая! Воскресаю, вселенная, пой!»

Доверчивая открытость чувств

очень характерна для лирических стихов Ольги Фокиной. Она видит в читателе доброго друга, с которым можно быть откровенным, как с ближайшей подругой, как с любимым.

Диапазон раздумий в книжке еще не широк, Фокина только подходит к постижению диалектической сложности жизни, но живет она в святом беспокойстве, в плену «желанья великих дел».

Этим желаньям да будет дано претвориться в звонкие и веселые русские стихи!

Ал. Михайлов